УДК 332.02

«ГОСУДАРСТВО РАЗВИТИЯ» РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ)

К.С. Саблин,
аспирант КемГУ

Ключевые слова: региональная экономика, экономическое развитие, экономическая политика

В статье рассматривается региональная Администрация как агент «государства развития» на субфедеральном уровне, а также определяются его параметры и задачи. Администрация является «субъектом развития» в лице конкретных чиновников – «администраторов развития». Представляется, что региональные чиновники, выступая в данном качестве, могут реализовать как общественную функцию полезности, которая заключается в производстве локализованных общественных благ, так и корпоративно-бюрократическую целевую функцию, состоящую в усилении переговорных позиций ренто-ориентированных групп хозяйствующих субъектов, участвующих в процессе формирования региональных «институтов развития». При этом инструментом реализации функции полезности, как общественно значимой, так и корпоративно-бюрократической, являются символическая и административная формы капитала.

Постановка проблемы

Мировой финансово-экономический кризис подтвердил тот факт, что дальнейшее развитие российской экономики за счет экстенсивной эксплуатации природных ресурсов и извлечения сырьевой ренты представляется невозможным и может привести к окончательному закреплению за Россией статуса сырьевого придатка не только индустриально развитых держав, но и быстро развивающихся экономик Азиатско-Тихоокеанского региона. В целом, негативными факторами для долгосрочного развития отечественной экономики являются: исчерпание источников экспортно-сырьевого развития, усиление конкуренции на мировом и внутренних рынках товаров и услуг, инфраструктурные ограничения роста новых производств, дефицит и недостаточная мобильность квалифицированных кадров. В этой связи безальтернативным видится переход российской экономики на инновационный путь развития, который сопряжен с решением взаимосвязанных экономических и социальных задач: совершенствованием экономической и социальной инфраструктуры, развитием инновационной сферы, поддержкой среднего и малого бизнеса, устранением региональных диспропорций, содействием развитию внешнеэкономической деятельности.

В данном контексте первостепенным является выявление «субъектов развития» отечественной экономики, которые заинтересованы в выработке стратегии перехода на инновационный путь развития. Как показывает зарубежный опыт, одним из таких «субъектов» является государство (Япония, Южная Корея, Тайвань, Ирландия, Финляндия).

«Государство развития»: параметры и задачи

Государство является «государством развития» («developmental state»), когда оно способно продвигать и поддерживать развитие, под которым понимается сочетание стабильно высоких темпов экономического роста и структурных изменений в национальной экономике. При этом ключевой является реализация нескольких взаимосвязанных проектов развития, смысл которых состоит в повышении конкурентоспособности экономики и в улучшении социально-экономических условий жизни населения[1]. Иными словами, «государство развития» - это государство, которое стимулирует экономический рост и обеспечивает устойчивое экономическое развитие посредством производства общественных и квазиобщественных благ, субсидирования разработок новых технологий, инвестирования в НИОКР и в систему высшего профессионального образования, а также посредством активного участия в процессе формирования институциональной среды инновационного развития.

Согласно концепции «государства развития» государство является «субъектом развития» в лице конкретных чиновников как публичных акторов, которые способны помочь предпринимателям преодолеть проблемы, связанные с развитием новых видов деятельности и с освоением новых технологий. В данном случае они рассматриваются в качестве «администраторов развития»: (1) как государственные менеджеры, способные решать задачи социально-экономического развития; (2) как администраторы, выполняющие определенные функции в процессе становления «институтов развития» экономики[2], которые являются организационно-экономическими структурами, содействующими распределению ресурсов в пользу проектов развития.

Ч. Джонсон выделил следующие параметры эффективного бюрократического аппарата, выступающего в качестве «субъекта развития»[3]:

- относительно малый размер аппарата;
- выполнение функции «мозгового центра» («think-tank»);
- четкое разграничение полномочий между чиновниками;
- прямой доступ к бюджетным фондам.

---

[1] Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 183.; Evans, P. Predatory, Developmental, and Other Apparatuses: A Comparative Political Economy Perspective on the Third World State // Sociological Forum. 1989. Vol. 4. № 4. P. 562 – 563.

[2] Чешков, М. А. Критика представлений о правящих группах развивающихся стран. – М.: Изд-во «Наука», 1979. С. 81.

[3] Johnson, C. MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925-1975. – Stanford: Stanford University Press, 1982. P. 320.

Россия является страной с исторически сложившейся социально-экономической дифференциацией, которая предопределяет тот факт, что формирование «институтов развития» происходит на нескольких уровнях: федеральном (общенациональном), региональном и муниципальном.

Региональный уровень «государства развития»

Наибольший интерес для изучения представляет региональный уровень, поскольку субъекты Федерации крайне неравнозначны по своему политическому, экономическому и ресурсному потенциалам. Данная особенность предопределяет становление разнообразных систем региональных «институтов развития». При этом необходимо отметить, что с одной стороны, региональная Администрация является агентом Центра и выполняет функцию агента-гаранта в процессе формирования институтов и «правил игры», устанавливаемых федеральным Правительством, а, с другой, выступает в качестве «агента развития» территории и действует самостоятельно в интересах региона и в своих собственных корпоративно-бюрократических интересах, обладая при этом более сильной по отношению к отдельным индивидам и группам экономических субъектов переговорной позицией[1].

Представляется, что региональная Администрация выступает в роли «государства развития» посредством выполнения функций «агента развития» и «агента-производителя общественных благ» в процессе становления «институтов развития» (например, в данном качестве явно себя позиционирует Администрация Ростовской области, которая определяет правила ведения бизнеса, развивает инфраструктуру, создает благоприятный деловой климат, обеспечивает финансовую стабильность[2]).

Функция «агента-производителя общественных благ» заключается в участии региональных чиновников в разработке и принятии областных законов, которые выступают как чистые общественные блага, поскольку обладают соответствующими свойствами неизбирательности, неисключаемости и неисчерпаемости в потреблении[3]. Данные законы регулируют инновационную деятельность и порядок предоставления различных льгот и субсидий инновационным компаниям, работающим на территории того или иного региона.

Отметим, что при выполнении функции «агента-производителя общественных благ» региональная Администрация несет политические трансакционные издержки, включающие в себя издержки принятия решений и издания законов, а также издержки принуждения к исполнению принятых

[1] Курбатова, М. В. Общественно-договорные основы российского государства (региональный и местный уровень) // Журнал экономической теории. 2006. № 3. С. 97 – 98.
[2] См.: Стратегия привлечения инвестиций Ростовской области // Официальный сайт Администрации Ростовской области / http://www.donland.ru/print/info.asp?infoId=5412
[3] Олейник, А. Н. Институциональная экономика. – М.: ИНФРА-М, 2000. С. 197.

законов[1]. Данные издержки могут являться потенциальным барьером при принятии решений о создании региональных «институтов развития».

Примером производства квазиобщественных благ в процессе формирования региональных «институтов развития» является строительство и реконструкция объектов инженерной и социальной инфраструктуры на *ограниченной* территории. Кроме того, вузы, принимающие участие в данном процессе, могут получить определенные экономические и социальные выгоды, например: создание специальных фондов развития высших учебных заведений в рамках региональных «институтов развития», расширение производственной и преддипломной практики студентов и трудоустройство выпускников.

Функция «агента развития» состоит в целенаправленной разработке и реализации долгосрочных стратегий и проектов развития региона. В Кемеровской области примером является «Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 г.», выработанная специалистами Администрации Кемеровской области совместно с экспертами Фонда «Центр стратегических разработок «Северо-Запад», которая выделяет активный (целевой) сценарий развития региона, предполагающий достижение конкурентоспособности территории за счет интенсивного развития технологий и человеческого капитала. Конкретными проектами развития «Стратегии» являются: строительство города-спутника «Лесная поляна» в рамках национального проекта «Доступное и комфортное жилье гражданам России», развитие городской среды в г. Кемерово и в г. Новокузнецке, модернизация туристического комплекса «Шерегеш».

Необходимо отметить, что региональные чиновники, действующие в качестве «администраторов развития», могут реализовать как общественную функцию полезности, которая заключается в производстве локализованных общественных благ, так и корпоративно-бюрократическую целевую функцию, состоящую в усилении переговорных позиций рентоориентированных групп хозяйствующих субъектов, участвующих в процессе формирования «институтов развития» на региональном политико-бюрократическом рынке. Инструментом реализации функции полезности, как общественно значимой, так и корпоративно-бюрократической, являются символическая и административная формы капитала.

Символическая и административная формы капитала как инструмент реализации целевой функции «агента развития»

При формировании «институтов развития» экономики региональная Администрация использует специфические ресурсы, предопределяющие их качество – это символическая и административная формы капитала[2].

[1] Дементьев, В. В. Распределение правомочий между государством и регионами: институциональный аспект // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. Т.4. № 4. С. 27 – 28.

[2] Допущение, что для каждого рода деятельности могут быть найдены особые формы капитала, приведено в работе Дж. Стиглера и Г. Беккера. См.: Stigler G. J., Becker G. S. De gustibus non est disputandum // American Economic Review. 1977. Vol. 67. № 2. P. 76 – 90.

Отметим, что в совокупности они представляют собой право мобилизации любых других ресурсов и поэтому наиболее дефицитны в обществе.

Символический капитал – это способность одного экономического агента (при этом экономический агент может быть как отдельным индивидом, так и группой (коллективом) индивидов) навязывать определенное понимание другим агентам, производить мнения, манипулировать разными способами оценок имеющихся и потенциальных ресурсов[1]. В этом случае особое значение приобретает разная степень доступа к экономически важной информации и неравные возможности в сфере ее интерпретации. Данная форма капитала выражена в знаках отличия, официальных титулах и должностях, источником которых является государство (или в рамках отдельной территории - региональные органы государственной власти). Представляется, что наибольшим объемом символического капитала обладают государственные менеджеры как публичные акторы, владеющие всей полнотой информации о своем департаменте (отделе, управлении), который занимается проведением инновационной политики и разработкой проектов развития. В данном случае они выступают в качестве «администраторов развития», реализующих общественную функцию полезности, которая состоит в повышении конкурентоспособности экономики региона и в улучшении социально-экономических условий жизни населения.

Административный капитал тесно переплетен с капиталом символическим и представляет собой способность одних экономических агентов регулировать доступ к ресурсам и видам деятельности других агентов, используя особые позиции власти и авторитета. Данная форма капитала воплощена в организационных иерархических структурах и предполагает четкое закрепление позиций, дающих право на принятие определенных решений (право распоряжаться «административной валютой»[2]). Чем выше положение чиновника в иерархии, тем более важные решения он может принимать, тем более значимой является «административная валюта», которой он распоряжается.

Представляется, что символическая и административная формы капитала являются комплементарными, поскольку, чем выше положение в иерархии, тем больше возможности манипулирования разными способами оценок имеющихся и потенциальных ресурсов и больше символический капитал[3]. При этом необходимо отметить, что посредством использования данных форм капитала чиновники, как частные акторы, могут стремиться усилить свои позиции на политико-бюрократическом рынке, сохранить

---

[1] Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. - 2002. Т. 3. № 4. С. 28 – 29.

[2] «Административная валюта» - это должностное положение в бюрократической иерархии, позволяющее получать дополнительный «доход», как в материальной, так и в нематериальной форме (социальный статус, престиж, повышение квалификации и проч.). См.: Кордонский, С. Теневая экономика в теневом обществе // Пределы власти. 1994. № 4. http://old.russ.ru/antolog/predely/4/kordon.htm

[3] Радаев, В. В., Шкаратан, О. И. Социальная стратификация. – М.: Аспект Пресс, 1996. С. 49 – 58.

влияние и контроль над экономическими процессами, протекающими в том или ином регионе, а также установить такие «правила игры», которые обеспечат им получение административной ренты, которая рассматривается как доход государственных менеджеров, получаемый ими от использования такого ресурса как статус (должностные функции).

Выводы

Региональная Администрация, являясь агентом федерального Правительства, следует его логике и принимает участие в процессе перехода российской экономики на инновационный путь развития. В данном случае она выступает как «агент развития» территории.

В силу того, что институциональная среда российской экономики локализована и сегментирована, каждый регион реализует свой вариант построения инновационной модели экономического развития, учитывающий политические и культурно-исторические особенности того или иного субъекта Федерации. При этом особое значение приобретают символический и административный ресурсы, поскольку качество формируемых региональных «институтов развития» находится в прямой зависимости от эффективности их использования. Это предопределяет различные варианты построения инновационной модели экономического развития, продвигаемой федеральным Центром.

Литература

Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 183.; Evans, P. Predatory, Developmental, and Other Apparatuses: A Comparative Political Economy Perspective on the Third World State // Sociological Forum. 1989. Vol. 4. № 4.

[1]Чешков, М. А. Критика представлений о правящих группах развивающихся стран. – М.: Изд-во «Наука», 1979.

Johnson, C. MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925-1975. – Stanford: Stanford University Press, 1982.

Курбатова, М. В. Общественно-договорные основы российского государства (региональный и местный уровень) // Журнал экономической теории. 2006. № 3.

Стратегия привлечения инвестиций Ростовской области // Официальный сайт Администрации Ростовской области / http://www.donland.ru/print/info.asp?infoId=5412.

[1]Олейник, А. Н. Институциональная экономика. – М.: ИНФРА-М, 2000.

Дементьев, В. В. Распределение правомочий между государством и регионами: институциональный аспект // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. Т.4. № 4. С. 27 – 28.

Stigler G. J., Becker G. S. De gustibus non est disputandum // American Economic Review. 1977. Vol. 67. № 2.

Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. - 2002. Т. 3. № 4.

Кордонский, С. Теневая экономика в теневом обществе // Пределы власти. 1994. № 4. http://old.russ.ru/antolog/predely/4/kordon.htm.

Радаев, В. В., Шкаратан, О. И. Социальная стратификация. – М.: Аспект Пресс, 1996.